

НЕ КОПИРОВАТЬ

Ламайскіе кумиры или статуи божествъ.

(Изъ коллекцій, составленныхъ профессоромъ Позднѣвымъ).

Ламаизмъ — самая распространенная изъ позднѣйшихъ сектъ буддизма, вѣдуемая нынѣ въ Китаѣ обитателями Тибета, Ташгута, Кукунура, Алашани, всей Монголіи и бывшей Чжунгаріи; а въ Россіи — бурятами, нѣкоторыми тунгусами и калмыками. Терминъ «ламаизмъ» еще мало извѣстенъ въ европейской литературѣ и ученіе ламаизма часто называется буддѣйскимъ, хотя это весьма не точно. Ламаизмъ только выродился изъ буддизма: онъ явился въ стройной системѣ лишь въ началѣ XV в. и въ ученіи его слились во единое цѣлое всѣ разнообразныя догматическія системы способы культа, господствовавшіе до того времени въ различныхъ буддѣйскихъ школахъ и сектахъ. Отсюда и ламайскій пантеонъ является, можетъ быть, самымъ обширнѣйшимъ изъ пантеоновъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ языческихъ религій, хотя основы его лежатъ все-таки въ буддизмѣ.

Буддизмъ, какъ извѣстно, развился изъ философскаго и нравственнаго ученія Сиддарты Гаутамы, сына индѣйскаго Суддоданы, жившаго около VI в. до Р. X. и бывшаго вождемъ поколѣнія Сакья. Въ ту пору идеи о страданіяхъ въ мірѣ и освобожденіи отъ этихъ страданій были господствующими во всѣхъ философскихъ системахъ индѣйскихъ анахоретовъ. Этими общими потокомъ былъ увлеченъ и Сиддарта, отличавшійся отъ своихъ современниковъ только тѣмъ, что онъ составилъ свою особую теорію, по которой для освобожденія отъ страданій требовалась правильная жизнь, уничтоженіе привязанности къ матеріальному міру, какъ источнику мученій, и умственное спокойствіе; результатомъ сего должно было быть отрѣшеніе отъ свойствъ своей природы, достиженіе безразличія и, наконецъ, сліяніе съ абсолютнымъ духомъ, — бытіе въ состояніи нирваны. Такимъ образомъ буддизмъ, по ученію самого Сиддарты, былъ въ сущности атеизмомъ. Каждое существо само въ себѣ носило залогъ своего спасенія и могло достигнуть его безъ всякихъ вѣншихъ вліяній, путемъ лишь сосредоточенной дѣятельности своего духа. Требовалось только отказаться отъ колдовскаго міра въ матеріальномъ и нравственномъ смыслѣ, уклониться въ всеобщаго возмутить покой духа. Сообразно этому ученію, самъ Сиддарта достигъ своего несравненнаго званія — будды, покинувъ міръ и удалившись въ пустыню, гдѣ онъ проводилъ свое время въ непоколебимыхъ созерцаніяхъ. Прозрѣвъ, постигнувъ цѣль и тайну бытія, сдѣлавшись вѣщимъ, — «буддою», — Сиддарта равнымъ образомъ провелъ весь остатокъ дней своихъ подъ открытымъ небомъ, скитаясь по полямъ, рощамъ и пустынямъ и являясь въ человѣческія жилища только для сбора подаяній, которыми онъ пи-

тался. Ученики будды первоначально были такими же апахор тами, какими был и самъ будда, прозванный за свое подвижничество «Сакьямуни», т. е. «отшельникомъ изъ рода Сакья»: Духовныя отношенія этихъ учениковъ и вмѣстѣ первыхъ распространителей буддизма къ народу ограничивались исключительно проповѣдями, наставленіями и никакихъ религіозныхъ обрядовъ въ періодъ Хинаяны (древняго буддизма) намъ не извѣстно. Свѣтскимъ лицамъ, чтобы считать себя причисленнымъ къ поклонникамъ будды, достаточно было признавать три драгоценности: а) будду, б) его ученіе и с) сонъ его отрекшихся отъ міра вѣручителей. Но существованіе религіозныхъ обществъ не мыслимо въ человѣчествѣ безъ идеи о богѣ; оттого то будда, первоначально почитаемый только какъ учитель, вскорѣ же началъ облекаться въ божескій образъ и украшаться разнаго рода божескими свойствами. Уже въ Западной Индіи въ честь буддійскаго вѣручителя начинаютъ воздвигаться памятники и сооружаться особыя зданія для храненія частицъ его ногтей, волосъ и пр. Отсюда совершился естественный переходъ къ храмамъ, въ которыхъ вмѣсто частицъ тѣла будды начали поставлять его кумиры, а на ряду съ этимъ и прежніе отшельники, въ роли сторожей этихъ святынь, перемѣщаются изъ своихъ пустынь и пещеръ въ скромныя кельи. Такъ образовались первые буддійскіе монастыри, къ которымъ народъ началъ стекаться уже не для одного слушанія наставленій, но и для поклоненія хранившимся здѣсь святынямъ. Первоначальный типъ изображенія будды съ замѣчательною стойкостью доселѣ еще хранитъ свои древнія формы. Представителемъ его является въ настоящей коллекціи:

№ 1. Китайскій кумиръ, изображающій будду Сакьямуни и относящійся по своей работѣ еще ко временамъ Цзюньской династіи (1115—1234). Этотъ кумиръ представляетъ намъ нищенствующаго монаха, одѣтаго въ рубище изъ клочковъ, съ значительно обнаженными тѣломъ и нищенскою чашкою (утеряна) въ рукахъ, предназначенною для сбора подаяній. Изображается будда сидящимъ на цвѣткѣ лотуса, символъ божественнаго рожденія.

Судя по дошедшимъ до насъ археологическимъ памятникамъ и рассматривая барельефы древнихъ индійскихъ ступъ, мы должны признать, что настоящій типъ изображенія будды, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ пачальныхъ и едва ли не современный основанію первыхъ буддійскихъ храмовъ. Впослѣдствіи культъ чествованія будды быстро развивался, постепенно увеличиваясь въ своемъ объемѣ введеніемъ въ него новыхъ образовъ будды и, наконецъ, символическихъ изображеній. Материаломъ для буддійской иконографии послужила при этомъ прежде всего масса легендъ, сложившихся о жизни будды, какъ образецъ же подобнаго рода кумировъ является у насъ перешедшій и къ современнымъ ламантамъ.

№ 2. Кумиръ, именуемый Монголами «долодунъ-аръ-алхумъ», т. е. «седьмой шагъ» хотя встрѣчающійся нынѣ чрезвычайно рѣдко. Легенда повѣствуетъ, что при воплощеніи будды на землѣ, онъ, родившись изъ подъ правой мышки царицы Махамая, тотчасъ же сдѣлалъ семь шаговъ и на каждомъ мѣстѣ, гдѣ ступила его нога, мгновенно выросло по лотусу. Сдѣлавъ седьмой шагъ, будда, указывая лѣвою рукою на небо, а правую на землю, громогласно сказалъ: «я владыка неба и земли». Этотъ то моментъ и изображается рассматриваемымъ кумиромъ.

№ 3. «Нирвана будды», т. е. кумиръ, изображающій будду въ моментъ его смерти. По вѣрованіямъ буддистовъ, Сиддарта скончался 80 лѣтъ отъ роду. Умирая, онъ легъ на правый бокъ и подложилъ руку подъ правую щеку, заткнувъ безымяннымъ пальцемъ правую ноздрю; лѣвую руку онъ вытянулъ вполнѣ до лѣваго колѣна; правую ногу выпрямилъ, а лѣвую нѣсколько согнулъ въ колѣнѣ. Ламанты доселѣ еще не рѣдко хоронятъ своихъ покойниковъ въ этой позѣ, которую они называютъ «арсалангийнъ хэбэлэгэ», т. е. «лежаніе на подобіе льва»; но у современныхъ кумировъ «нирваны будды» ноздря не бываетъ заткнута, а равно и лѣвая нога не согнута. Дѣлается это, говорятъ, только съ тѣхъ поръ, какъ буддійскія иконографы начали

брать себѣ за образецъ этого кумира громадную статую лежащаго будды, находящуюся въ пекинской кумирнѣ «Во фо-сы».

Представителемъ древнѣйшихъ символическихъ изображеній будды, сохранившихся доселѣ въ чествованіи ламаитовъ, является кумиръ

№ 4. Этотъ кумиръ представляетъ собою 8-ми радиусный кругъ, или колесо (хурдэ), на которое, поднимая свои головы, смотрятъ двѣ колѣнопреклоненныя газели. Основная мысль этой фигуры объясняется слѣдующей легендой изъ жизни будды. Когда Сиддарта получил свое несравненное званіе будды, то Эсруа-тэнгри поднесъ ему золотое колесо и просилъ его начать проповѣдь своего ученія. Съ тѣхъ поръ колесо, или «хурдэ» сдѣлалось знаменемъ ученія будды. Когда будда заговорилъ, двѣ золотистыя газели выбѣжали изъ лѣса и, глядя на верхушку этого колеса, прослушали ученіе будды. Резюме легенды: поклонники будды должны неусынно бодрствовать надъ ученіемъ, потому что и неразумные звѣри стремятся внимать ему. Все это изображеніе имѣетъ цѣлью напомнить поклонникамъ будды о необходимости чествованія не только ихъ вѣручителя, но и его ученія. Также символически служить напоминаніемъ о буддѣ и фигура

№ 5, именуемая у Монголовъ Субурганъ-оми. Это болѣе или менѣе миниатюрное изображение древнихъ индійскихъ ступъ. По сказаніямъ буддистовъ, устройство субургановъ, какъ памятниковъ замѣчательнѣйшихъ событій, начато было въ Индіи еще во времена самого будды. По смерти будды, пепель отъ его сожженного тѣла былъ также собранъ въ сосудъ и, какъ святыня, поставленъ въ особой, построенной для сего ступѣ. По этому примѣру субурганы начали служить обычными гробницами и для всѣхъ прославленныхъ лицъ буддизма. Понятно, что ступы, устрояемыя въ различныхъ мѣстахъ, въ разное время и по поводу различныхъ событій, должны были имѣть у себя неодинаковыя формы; точно также различны и субурганы, служащіе миниатюрами этихъ ступъ. Различіе это, впрочемъ, весьма невелико: составныя части субургана, по правиламъ, всегда остаются однѣ и тѣ же и все отличіе одного субургана отъ другого заключается въ формахъ этихъ составныхъ частей: у однихъ онѣ ирѣмыя и квадратныя; у другихъ—закругленныя, у третьихъ—ковчешскія и т. д. Каждый субурганъ своими особенностями долженъ напоминать вѣрующему о томъ священномъ событіи, или о томъ лицѣ, въ честь которыхъ онъ воздвигнутъ.

Таковы ламаискія статуэтки, или кумиры, воспроизводящіе передъ нами древнѣйшій культъ чествованія будды въ Индіи. Переходя далѣе изъ страны въ страну, буддизмъ постоянно долженъ былъ видоизмѣняться, дѣлая уступки въ строгости своей теоріи аскетическихъ отрѣшеній и смѣшиваясь, какъ въ теоретической, такъ и въ обрядовой сторонѣ съ предразсудками тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ водворялся. Въ оправданіе вводимыхъ новшествъ учителя буддизма говорили, что трактаты будды не остались цѣликомъ на землѣ послѣ его смерти; нѣкоторыя части его доктринъ сохранились де на небесахъ, въ различныхъ царствахъ тэнгриевъ (духовъ, разбѣянныхъ въ надзвѣздномъ и другихъ мірахъ), во дворцахъ драконовъ и пр., и оттуда то добывали ихъ въ разное время великіе послѣдователи Сиддарты. Черезъ пять вѣковъ по смерти будды явился одинъ изъ такихъ новыхъ истолкователей буддійскаго вѣроученія:

№ 6. «Нагарчжуна». Уроженецъ южной Индіи онъ былъ сначала пустыникомъ, производившимъ свои созерцація подѣ деревьями «арчжуна», а засимъ отправился якобы въ подводное царство драконовъ, откуда и принесъ сохранившееся тамъ, по малоизвѣстному дотошъ людямъ ученіе будды. По этимъ основнымъ особенностямъ, —пребывавя въ царствѣ драконовъ (нага) и созерцаій подѣ деревьями «арчжуна» и составившись имя этого мудреца «Нагарчжуна». Почитаемый 14-мъ патриархомъ буддійской вѣры и авторомъ 24-хъ сочиненій, онъ былъ извѣстенъ своими диалектическими способностями и положилъ основаніе въ буддизмѣ особой школѣ—Мадьямика. Это величайшій философъ буддистовъ, котораго ставятъ на ряду съ

буддою. Кумиръ его весьма походитъ на пищенствующаго будду и отлпчается лишь положеніемъ рукъ да еще тѣмъ, что надъ головою у него утверждается пять драконовъ, въ видѣ извивающихся змій.

Нагарчжуна переработалъ древніе трактаты буддизма и систематизировалъ развивавшіяся до того времени въ разныхъ буддійскихъ школахъ толкованія словъ будды въ такъ называемое «махаяническое» ученіе буддизма, согласно которому буддійскія доктрины измѣнились уже весьма значительно. Нирвана, являвшаяся прежде прекращеніемъ личной жизни, разсматривалась по нему, какъ состояніе, не допускающее опредѣленій. Такимъ же не подлежащимъ опредѣленію является у махаянистовъ и будда, уже не историческая личность, а бытіе существующее отъ вѣчности, само въ себѣ не имѣющее начала, но являющееся началомъ всѣхъ началъ. Этого неопредѣлимаго будду можно назвать «буддою буддъ», потому что онъ путемъ самозерпанія произвелъ и всѣхъ буддъ, и все сущее. Первое проявленіе его—

№ 7. Амитаба, или Абида, — «безконечный свѣтъ» — самый замѣчательнѣйшій изъ буддъ, такъ какъ онъ принимаетъ наиболѣе дѣятельное участіе въ судьбѣ людей. Самъ Сиддарта, или Сакьямуни былъ инкарнаціею Амитабы, который въ настоящую пору воплощается въ верховнаго тибетскаго жреца «башъчэнь-эрдэни». Основную свою популярность Абида пріобрѣтаетъ какъ владыка рая, называемаго Сукавати и находящагося на Западѣ. Амитаба обыкновенно изображается въ царственномъ видѣ, украшеннымъ драгоценностями и имѣетъ на головѣ корону. Въ рукахъ онъ держитъ сосудъ, наполненный «дающею жизнь амброзіею».

Такимъ образомъ было положено въ Махаянѣ начало ученію о высшихъ, уже не историческихъ, а вымышленныхъ и отвлеченныхъ буддахъ, которое, въ дальнѣйшемъ развилось до громадныхъ размѣровъ. Миръ, по ученію Махаяны, пересталъ быть предметомъ отрѣшенія, потому что онъ мучителенъ; его должно было отвергать, потому что онъ призреченъ, пусть, потому что въ немъ нѣтъ ни одной точки, на которую умъ могъ бы достойно обратить свое вниманіе, потому что допущеніе въ умъ всякаго субъективнаго представленія становится его омраченіемъ, а слѣдовательно, препятствіемъ къ совершенству. Человѣкъ, чтобы достигнуть ему спасенія, теперь уже не долженъ быть ограничиваться однимъ только отрѣшеніемъ отъ міра; отъ него требовалось еще украситься моральными и умственными совершенствами. Появилось ученіе о шести парамитахъ, или средствахъ для достиженія этихъ совершенствъ: милостыня, обѣты, терпѣніе, прилежаніе, созерцаніе и вѣдѣніе, или мудрость. Какъ только появилось новое ученіе о средствахъ для достиженія совершенства и спасенія, развилось вѣрованіе и въ существъ, достигшихъ совершенства этими средствами, т. е. въ бодисатвъ, а отсюда увеличился сонмъ буддійскихъ божествъ. Эти новыя обоготворенныя и нерѣдко сказочныя существа достигли высшихъ божественныхъ свойствъ уже не однимъ только отрѣшеніемъ отъ міра, а еще путемъ развитія самосознанія и исполненія добродѣтелей. Говорили: самъ Сиддарта достигъ своего знанія будды чрезъ созерцаніе и сам-сознаніе, и онъ не первый будда: еще до него были будды (по однимъ семь, а по другимъ—девять); точно также и впоследствии появились новыи буддами тѣ существа, которыя телесъ еще совершенствуются и продолжаютъ званіе бодисатвъ. Такъ возникло вѣрованіе въ буддъ прошедшаго и будущаго времени. Въ иконографіи изображенія ихъ были взяты съ готовыхъ уже формъ историческаго будды. Изъ числа буддъ прошедшихъ періодовъ наиболѣе извѣстенъ

№ 8. Дипанкара (тиб. Мар-ме-мдсагъ), что значить «свѣтлый». Въ ламаизмѣ онъ почитается первымъ изъ семи буддъ, предшествовавшихъ Сакьямуни. Его называютъ также первымъ учителемъ Сиддарты въ одномъ изъ прежнихъ перерожденій сего послѣдняго. Въ большихъ статуяхъ Дипанкары часто дѣлается множество углубленій, въ каждое изъ которыхъ ставятся маленькія лампы. Этотъ обычай, очевидно, вызванъ конкретнымъ переводомъ его имени.

№ 9. Сакьямуни, или исторический будда, правитель нынѣ существующаго міра, изображаемый въ известныхъ уже нами формахъ.

№ 10. Майтрея, или какъ говорятъ Монголы «Майдари». Это — будущій будда, буддѣйскій Мессія. На ряду съ предшествовавшимъ буддою Динанкара и современнымъ Сакьямуни кумиръ Майдари является по формѣ обычнаго нищенствующаго будды, такъ что изображенія этихъ 3-хъ буддъ почти одинаковы и различаются между собою только положеніемъ ихъ рукъ. Три кумира эти весьма часто становятся вмѣстѣ и въ этомъ видѣ называются «Дуй-сумъ-сань-чжай». Почитаніе Майдари, въ настоящую пору сильно развито въ ламаизмѣ, и кумиры его перѣдко встрѣчаются еще отдѣльно отъ 2-хъ помянутыхъ буддъ. Въ этомъ случаѣ и формы ихъ являются различными. Таковы кумиръ:

№ 11. Майдари (таб. Чжам-ба), который Монголы зовутъ «сѣху дурй». Въ этомъ видѣ Майдари изображается какъ бы индѣйскимъ цѣрвничемъ, украшеннымъ короною, серьгами, драгоценными камнями и пр. Сидитъ онъ на престолѣ по европейскому обычаю, съ ногами, опущенными внизъ. Говорятъ, что это обычная поза, въ которой пребываетъ теперь Майдари въ небесномъ царствѣ Тушита, преподавая тамъ свое ученіе небожителямъ.

№ 12. Майдари — «цзоксоху-дурй» — въ тѣхъ же формахъ только въ стоячемъ положеніи. На головѣ его утверждается всегда фигура субурга́на; у плеча съ лѣвой стороны восьмирадіусное колесо — символъ буддѣйскаго ученія, а съ правой стороны — бумба́, или сосудъ съ освещенною водою, которою онъ наполеть души вѣрующихъ.

Верховныя существа, созданныя Махаяной, рѣзко отличаются отъ божествъ древняго буддизма тѣмъ, что вмѣсто прежней безотносительности къ міру этихъ послѣднихъ, будды и бодисатвы Махаяны начинаютъ играть роль въ людскихъ дѣяніяхъ: къ нимъ обращаются за помощью и они употребляютъ разнаго рода сверхъестественныя средства, чтобы благотворить людямъ, проповѣдывать вѣру, устраивать спасеніе вѣрующихъ. Отсюда почти каждый будда и бодисатва Махаяны имѣетъ свои спеціальныя силы и дѣятельность. Изъ числа этихъ божествъ ламаизмъ особенно усвоилъ себѣ почитаніе:

№ 13. Маньчжурй — «сладозвучный». Онъ почитается богомъ мудрости и кажется произведеніемъ чисто метафизическимъ, не связаннымъ своимъ именемъ ни съ кѣмъ изъ историческихъ лицъ буддизма. Главная его функція — устраненіе невѣжества. Онъ стоитъ во главѣ «ученія» и своимъ свѣтлымъ мечемъ божественнаго знанія (сес-раб-рал-гри) разсѣкаетъ всѣ темныя вопросы. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ книгу трансцендентальной мудрости, «ирачжия парамиту», которая лежитъ на пвѣткѣ лотуса. Маньчжурй — спеціальныи покровитель астрологіи. Кумиръ представляетъ его сидящимъ въ позѣ будды, хотя ему придается и много другихъ формъ. Перерожденіе Маньчжурй на землѣ представляютъ собою настоящіе китайскіе богдоханы. Вѣрованіе это утвердилось со времени подданства Тибета, когда Далай-лама въ своей подданнической грамотѣ подобострастно провозгласилъ богдохана Шунь-ди воплощеніемъ Маньчжуріи, вѣроятно, просто по созвучію этого имени съ именемъ Маньчжуровъ.

№ 14. Вѣджрапани (монг. Вачиръ-вани, или Очиръ-вани). Это метаморфоза древняго индѣйскаго Нидры и эмалачія будды Акшобія. Онъ принадлежитъ къ типу гнѣбныхъ божествъ, всгдашній защитникъ буддѣйскаго ученія и принялъ на себя ужасныя формы, чтобы ими устрашать враговъ буддизма. На рисункахъ цвѣтъ лица его черный, или темно-голубой. Въ поднятой правой рукѣ онъ держитъ вѣджру, а въ лѣвой или колокольчикъ, или сѣги, или другой какой-либо инструментъ сообразно съ титулами его, которыхъ насчитывается свыше 15. «Сюань-цзань» упоминаетъ объ его культѣ въ VII в.

Авалокитешвара — «владыка милосердія». Это эманация будды Амитабы, наиболее могущественный и популярный изъ всѣхъ бодисатвъ, современнымъ воплощеніемъ

котораго почитаются тибетскіе далай-ламы. Наибольше обыкновенными у ламайтовъ кумирами Авалокитешвары, болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Хоншимъ-бодисатвы», являются:

№ 15. Дурбэвъ мотортү Хоншимъ-бодисатва. Эта форма представляетъ Авалокитешвару съ 4-мя руками, въ видѣ индійскаго царевича, имѣющаго бѣлый цвѣтъ лица и 13 украшеній. Онъ сидитъ въ позѣ Будды съ переднею парю рукъ, сложенною въ молитвенномъ положеніи; въ верхней правой рукѣ онъ держитъ хрустальныя четки, а въ лѣвой—цвѣтокъ лотуса съ длиннымъ стеблемъ. Другая не менѣе распространенная форма Авалокитешвары—

№ 16. Арбанъ иггэнъ нигуртү, т.-е. одиннадцатилетней Хоншимъ бодисатва. Онъ изображается въ стоячей позѣ. Кромѣ двойной пары рукъ онъ имѣетъ еще другія, держащія оружіе для защиты върующихся отъ враговъ буддизма. Эта форма напоминаетъ о злополучномъ положеніи Хоншимъ бодисатвы когда голова его раскололась на 11-ть частей отъ печали, при видѣ плачевнаго состоянія погрязшаго въ нечестіи человѣчества. Милосердый Будда исцѣлилъ его, послѣ чего каждый изъ 11-ти кусковъ, на которые раскололась его голова, составилъ ему отдѣльную голову.

Вышеупомянутыхъ трехъ бодисатвъ—Маньчжури, Вачжрапани и Авалокитешвару—ламы почитаютъ основными защитниками своего ученія и нерѣдко поставляютъ ихъ кумиры вмѣстѣ. Въ этомъ случаѣ означенная триада получаетъ на языкѣ ихъ одно общее названіе «Ринсумъ гонбо».

Съ цѣлью содѣйствовать распространенію буддизма каждый изъ буддъ и бодисатвъ Махаяны отъ вѣчности принималъ на себя много различныхъ видовъ и образовъ, причемъ ради заступленія въры отъ враговъ ея всѣ они являлись въ самыхъ ужасныхъ формахъ. Представителями такихъ страшныхъ божествъ-покровителей буддизма представляются здѣсь

№ 17. Ямантака (тиб. Чжикчъ житъ). Благодаря ламской изобрѣтательности, это отвратительное существо считается метаморфозою кроткаго и милосердаго Авалокитешвары. Кумиръ (го едва ли не самый сложный). Ямантака имѣетъ у себя девять головъ, 16 ногъ и 34 руки; въ рукахъ онъ держитъ разнаго рода оружіе, а ногами попираетъ враговъ буддизма. Эти обезображенные жертвы имѣютъ между собою представителей изъ 4-хъ древнихъ родовъ существъ: боговъ, людей, четвероногихъ и птицъ. Всего подъ ногами Ямантаки находится 24 человѣческихъ и звѣроподобныхъ существъ.

Къ числу божествъ, покровительствующихъ буддизму, махалисты причислили и существа женскаго рода, извѣстныя у нихъ подъ именемъ «Даря». Всѣхъ ихъ насчитываютъ 21 видъ, но главнѣйшими изъ нихъ являются

№ 18. Ногонъ-дара, или «зеленая дара». Она изображается въ видѣ красивой и нарядно-убранной индійской дамы, съ непокрытою и только увеличавною тѣлою головой. Она сидитъ на лотусѣ съ опущенными правыми рукою и ногою; въ лѣвой рукѣ она держитъ цвѣтокъ лотуса съ длиннымъ стеблемъ.

№ 19. Цаганъ-дара, или, «бѣлая дара» изображается въ видѣ нарядно убранной индійской дамы. Она сидитъ подобно буддѣ и держитъ въ лѣвой рукѣ цвѣтокъ лотуса съ длиннымъ стеблемъ. Отличительный признакъ ея изображенія—семь глазъ: кромѣ обыкновенной пары глазъ у нея находится еще одинъ на лбу, а также по одному на каждой ладони и на каждой подошвѣ.

Рѣшительно всѣ буддисты на востокѣ полагаютъ, что «русскіе бѣлые цари» суть воплощеніе богини Цаганъ-дара. Вѣрованіе это, какъ приходится теперь признать, утверждено даже богдоханами. Составителю настоящей коллекціи удалось приобрести въ Жэ-хо особый кумиръ

№ 20. Цаганъ-лара, принадлежавшій прежде хранилищамъ оставленнаго нынѣ богдоханскаго дворца. По преданію, кумиръ этотъ былъ сдѣланъ, согласно высочайшему повелѣнію богдохана Цянь-луна, съ полученнаго имъ портрета императрицы

Екатерины II. Дѣйствительно, съ перваго же взгляда видно, что типъ этого кумира совершенно не восточный и, въ общемъ, онъ поражаетъ сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ императрицы, особливо въ подбородкѣ и нижней части лица. Необычайная тонкость ручной чеканки и великолѣпная работа этого кумира являются вполне достойными и богдоханскаго дворца и великой русской императрицы. Съ точки зрѣнія буддйской иконографіи самымъ поразительнымъ въ приготовленіи этого бурхана является отсутствіе лотусовъ и глазъ на лбу, рукахъ и головѣ богини. Разказываютъ, что во времена Цянъ-луна и позже принесеніе жертвъ передъ этимъ кумиромъ лежало во дворцѣ, по обычаю конфуціанцевъ, на обязанности свѣтскихъ чиновниковъ.

Помимо покровителей своей вѣры, буддисты имѣютъ еще цѣлый сонмъ хранителей или защитниковъ ея, также точно являющихся всегда въ ужасныхъ и страшныхъ формахъ. Изъ среды ихъ особенно чувствуются ламаитами:

№ 21 Дамдинъ (санскр. Ханкирва). Онъ изображается съ нѣсколькими головами, надъ которыми возвышается лошадиная. Изображается Дамдинъ двурукимъ, четверорукимъ и, наконецъ, шестирукимъ и 16-тиногимъ. Въ рукахъ онъ держитъ атрибуты борьбы: мѣлжра, трезубецъ, мечъ, сѣкиру, арканъ и котло. Подъ ногами у него извиваются змѣи. Главный лама, живущій въ Пекинѣ, считается перерожденіемъ Дамдина.

№ 22. Махакала (тиб. Гонбо) почитается владыкою демоновъ и драконовъ. Всѣхъ отдѣльныхъ изображеній его насчитываютъ до 75. Онъ изображается съ изогнутыми ногами, пляшущимъ на спинѣ демона мужскаго пола. Онъ не имѣетъ ни короны изъ череповъ, ни ожерелья изъ головъ, а также не имѣетъ третьяго глаза на лбу. Вокругъ подбородка и щекъ у него большая, вьющаяся борода.

№ 23. Другой видъ того же Гонбо, именуемый Хара-Гонбо, является въ формахъ, подобныхъ первому; только онъ не пляшетъ, въ рукахъ держитъ другіе инструменты и попираетъ мнелогическое чудовище.

Въ числѣ бодисатвъ-хранителей имѣются также и женскія существа, главнѣйшими изъ которыхъ почитается

№ 24. Хлама. Это великая вѣдьма, самая злая и могущественная изъ всѣхъ демоновъ. Она изображается окруженною пламенемъ и ѣдущею на мулѣ. Одежду ея составляютъ человѣческія кожи; питается она мозгомъ и кровью изъ человѣческаго черепа. Въ правой рукѣ держитъ скипетръ изъ позвоночнаго хребта ребенка. Въ жертву, приносимую этой богинѣ, между другими ингредиентами, входятъ: жиръ чернаго козла, кровь, вино, тѣсто и масло. Все это помѣщается въ чашѣ сдѣланной изъ человѣческаго черепа.

На ряду съ Хлама въ видѣ такого же страшлища является

№ 25. Сэндама. Богиня эта изображается въ пляшущей позѣ; она имѣетъ лицо, которое называютъ львинымъ. Подъ лѣвой ногой ея извивается демонъ. Въ лѣвой рукѣ она держитъ длинный жезлъ, на верхнемъ концѣ котораго, въ видѣ знамени, укрѣплены крестообразный вѣлжра, двѣ человѣческія головы и черепъ, находящіяся одинъ надъ другимъ. На ряду съ нею нерѣдко поставляются еще двѣ богини въ качествѣ прислужницъ Сэндамы. Одна изъ нихъ **№ 26** имѣетъ слоновую голову, а другая **№ 27** имѣетъ голову медвѣдя.

Нѣкоторое сходство съ вышеуказанными богинями представляютъ такъ называемыя Дакіни. Онѣ обыкновенно являются въ видѣ супругъ боговъ покровителей. Представительницами ихъ въ нашей коллекціи являются:

№ 28. Ка-ро-ма и

№ 29. Нарогачжуть.

Къ числу божествъ-хранителей причисляются засимъ и божества, имѣющія менѣе ужасныя формы; это, такъ сказать, спеціальныя боги добродѣтели. Представителями ихъ въ нашей коллекціи являются:

№ 30. Цамба, ѣдущій на лошади, въ видѣ готоваго на бой богатыря и

№ 31. Намсрай. Какъ у божества добродѣтельнаго, у Намсрая нѣтъ ни ожерелій и опоясаній изъ человѣческихъ головъ, ни короны изъ череповъ, ни щетиш-стыхъ волосъ и т. п. Намсрай сидитъ на лежащемъ львѣ, причемъ обѣ ноги его свѣсились на лѣвую сторону льва. Онъ одѣтъ въ шапиръ и шлемъ и имѣетъ въ правой рукѣ Чжалцанъ (знамя вѣры). Отличительный признакъ Намсрая составляетъ то, что въ своей лѣвой рукѣ онъ всегда держитъ мышъ, изрыгающую драгоцѣнные камни (на-у-лэ, санскр. на-ку-ла). Другой видъ Намсрая именуется

№ 32. Шаръ Намсрай. Подобенъ первому въ своей одеждѣ и отличается отъ него тѣмъ, что сидитъ на лотусѣ, а въ правой рукѣ держитъ чиндамани—драгоцѣнность, удовлетворяющую всѣ пожеланія. Это божество даетъ людямъ долгую жизнь. Третій изъ шибющихся у насъ видовъ Намсрая

№ 33. Харъ-Намсрай, представляется ѣдущимъ на лошади. Атрибуты его тѣ же, что и у Шаръ Намсрая и только лицо его отлично отъ сего послѣдняго кротостию и благообразіемъ.

Помимо этихъ мнѳологическихъ существъ, ламанты чествуютъ и дѣйствительныхъ историческихъ личностей, потрудившихся на поприщѣ буддійскаго ученія. Къ числу таковыхъ прежде всего относится

№ 34. Надмъ Самбалъ — ученый индѣецъ, призванный въ Тибетъ королемъ «Тисронъ-дэ-цзаномъ» въ VIII в. по Р. X. и получившій большую извѣстность, какъ распространитель буддизма въ Тибетѣ. Главнымъ дѣломъ его почитается укрощеніе злыхъ духовъ и демоновъ, населявшихъ дотолѣ Тибетъ.

№ 35. Мйла-райба. Ницій монахъ, жившій въ Тибетѣ въ XI в. и обучавшій народъ своими импровизаціями въ стихахъ и пѣняхъ; онъ обращалъ равнодушныхъ къ вѣрѣ, оспаривалъ еретиковъ, дѣлалъ много чудесъ. Составленныя о немъ легенды обличаютъ въ немъ чловѣка не безъ остроумія, громаднаго поэтическаго таланта и представляють еще и донынѣ популярнѣйшую и распространеннѣйшую книгу среди ламантовъ.

№ 36. Цзонхавъ (1378—1441) — великій реформаторъ буддизма въ Тибетѣ, основавшій свою особую секту Гэлугъ-ба и изложеніемъ ея ученій окончательно обособившій ламанзмъ отъ всѣхъ другихъ школъ буддизма.

№ 37. Далай-лама — въ 5-мъ перерожденіи именовавшійся «Наванъ-лобсанъ-чжамцо». Ойратскій Гушханъ въ 1640 г., покоривъ мелкихъ тибетскихъ владѣтелей, поднесъ имъ владѣнія въ даръ этому ламѣ и съ той поры Далай-ламы начали считаться свѣтскими владыками Тибета. Въ 1651 г. Лама этотъ представился богдохану и былъ утвержденъ въ своемъ званіи свѣтскаго правителя.

№ 38. Ваньчэнь-ринбочэ въ своемъ 3-мъ перерожденіи именовавшійся «Лобсанъ-чой-чжалцанъ». Онъ жилъ съ 1569 по 1662 г. и былъ современникомъ и воспитателемъ пятаго Далай-ламы. Чтобы положить конецъ распрямъ между Тибетцами и Монголами, онъ отправилъ посольство къ пекинскому двору и испросилъ у богдохана утвержденіе свѣтской власти за Далай-ламой.

№ 39. Чжанчжа-хутухта, перерожденія котораго въ настоящую пору имѣютъ значеніе главнаго буддійскаго жреца въ Пекинѣ.

Ученіе Цзонхавы, развиваемое нынѣ подъ покровительствомъ Далай-ламы и Ваньчэня, кореннымъ образомъ видоизмѣнило теперь взглядъ на будду. Въ первыя времена буддизма чествовался только Сиддартъ и все, служившее къ напоминанію объ его существованіи; будда оставался такимъ образомъ дѣйствительною, историческою, хотя и идеализированною личностью. Въ Маханѣ эта идеализація личности будды привела сначала къ обоготворенію его, какъ единаго вѣчнаго бога, а засимъ къ разсмотрѣнію его, какъ единой всемірной сущности пантеистическаго характера. Цзонхавъ и основанный имъ ламанзмъ развивали у себя уже именно этотъ послѣдній взглядъ на будду, причемъ обратили особенное вниманіе на уясненіе формъ, въ которыхъ проявляется эта всемірная сущность. Будда по нему имѣетъ три тѣла: первое—это

«тѣло духовности»: будда самъ въ себѣ; это самосущее, вѣчное, безформенное, абсолютное бытіе, покоящееся въ мірѣ пустоты—«нирванѣ»; второе—это «тѣло совершеннаго блаженства», каковымъ будда открывается въ созерцаніяхъ: это лучезарное, исполненное неописуемыхъ признаковъ красоты тѣло, въ которомъ будда пребываетъ въ небесномъ царствѣ Тушита, гдѣ преподаетъ онъ ученіе небожителямъ и бодисатвамъ; третье—«тѣло превращенное»: будда въ дѣятельности, когда онъ принимаетъ на себя человѣческой образъ, чтобы, преподавая священное ученіе, устроить благо людей, какъ напр. Сакьямунн. Эти три тѣла, изъ коихъ два сверхъестественныя, а третье—человѣческое, всѣ заключаются въ одной субстанціальной сущности; три—тоже что и одно; они не одни и тѣ же, но и не различны по сущности; оттого, рассматриваемые какъ единое, и называются единымъ именемъ будды. Здѣсь нѣтъ реального различія; это только отдѣльныя проявленія одной неизмѣваемой субстанціи. Духовное тѣло будды не имѣетъ для себя особаго кумира у ламантовъ; но для изображенія тѣла всеблаженства будды ламанты устроили особый кумирь

№ 40. «Цзанданъ-цзу». Легенда повѣствуетъ, что когда буддѣ было 38 лѣтъ, у него скончалась мать его, царица Махамая, которая вслѣдъ за симъ возродилась въ царствѣ небожителей. Чтобы устроить тамъ ея жизнь, будда отправился на небо. Послѣ сего миновало уже три мѣсяца, а будда все еще не возвращался. Преданный ему и особливо любившій его царь Удіяны (индійская область въ нынѣшнемъ Кафиристанѣ), желая сохранить у себя память о буддѣ, попросилъ ученика будды, Мутгальяву, отправиться на небо и снять тамъ портретъ будды. Мутгальяна, взявъ съ собою лучшихъ художниковъ, отправился; всѣ они видѣли тамъ будду, запомнили черты его лица, но когда, вслѣдъ за симъ, спустившись на землю, начали рисовать его, то портретъ будды никакъ не удавался имъ. Тогда будда явился имъ на помощь самодивно. Онъ приказалъ имъ положить въ рѣку сандальное дерево, а самъ сталъ на берегу рѣки такъ, что образъ его отпечатлѣлся въ волнахъ. Поэтому отпечатку художники и вырѣзали его изображеніе. Такъ какъ рѣка въ эту пору струилась легкими волнами, то и платье будды вышло струйчатымъ. Изъ Удіяны кумирь этотъ, путешествуя по разнымъ странамъ, попалъ, наконецъ, въ Китай и нынѣ святыня эта входить въ пекинскую кумирнѣ Минъ-чжунъ-сы.

Что касается второго, человѣческаго изображенія будды, то оно, какъ уже было замѣчено выше, болѣе всѣхъ другихъ кумировъ сохранило за собою въ ламаизмѣ формы, приданныя ему еще въ древности. Ламайскій будда

№ 41 изображается въ видѣ человѣка ваиболѣе совершенной формы и красоты. Лицо его, обыкновенно арійскаго типа, лишенное бороды, имѣетъ ласковое и кроткое выраженіе. Голова обнажена, волосы грубо подстрижены и курчавые, съ пучкомъ на темени, покрытомъ иногда діадемой. Онъ одѣтъ въ прежнюю нищенскую одежду, но лоскуты ея являются теперь уже изукрашенными изящною оторочкою. Верхняя накидка обыкновенно оставляетъ правое плечо обнаженнымъ, въ рукахъ же кумирь по старому держитъ чашу для сбора подаяній.

Въ заключеніе о кумирахъ нельзя не сказать, что число ихъ постоянно растетъ въ ламаизмѣ и до настоящаго времени. Известно, напримѣръ, что современная мавъчжурская династія въ Китаѣ признала своимъ геніемъ-хранителемъ «Гуань-ди», одного изъ вождей эпохи троецарствія. Ламанты отождествили этого Гуань-ди съ тибетскимъ героемъ Гэсеръ-хаомъ, послѣ чего Монголы, по подражанію Китайцамъ и изъ подобострастія къ правительству, начали въ свою очередь боготворить его.

№ 42. Кумирь Гэсеръ-хана приобрѣтенъ въ монастырѣ монгольскаго «Илагуксанъ-гэгэна», который спеціально чествуетъ Гэсера. Формы кумира носятъ на себѣ несомѣнный типъ конфуціанскихъ святыхъ.

Передъ этими кумирами ламанты приносятъ жертвы и совершаютъ молебствія, а для сего въ кумирняхъ ихъ имѣется не мало разнаго рода утвари. Представителями таковой въ настоящей коллекціи является:

№ 43. Бумба—серебрянный сосудъ для храненія въ немъ освященной воды или «аршана».

№ 44. «Йэхэ-цзула—сосудъ для такъ называемой «большой лампы» и

№ 45. Хучжинъ-табуръ—подставка для курительной свѣчи.

«Цзула» или «большая лампа» зажигается только во время совершенія молитвъ. Фитиль ея долженъ быть сдѣланъ изъ ростка отъ вѣтки дерева «гуша» (киса) и обернутъ чистою ватой; онъ долженъ быть тонокъ и прямъ для того, чтобы могъ горѣть долго и ярко; совершенно воспрещается держать свѣтъ лампы мерцающимъ, поблекшимъ, такъ что лампа не то, что горитъ, и не то что гаснетъ.

№ 46. Дунъ-буръ, иначе назыв. дунъ-гаръ,—раковина, въ которую при принесеніи жертвъ трубають и звукъ которой подобенъ рогу. Употребленіе раковины, какъ инструмента при богослуженіи, буддисты относятъ ко временамъ Сакья — муни. Въ біографіи Цзонхавы разказывается, что однажды царь драконовъ поднесъ Сакьямунію бѣлую раковину, которую потомъ ученики будды употребили вмѣсто буръ (трубы) для призванія къ богослуженіямъ въ лѣтнее время. Потомъ будда приказалъ Мутгальвани отправиться въ страну краснолицыхъ тибетцевъ и спрятать эту раковину подъ горою Дурятку, при чемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою,—что и дѣйствительно случилось при постройкѣ Галданъ-хита. Въ этомъ монастырѣ помянутая раковина хранится и до нынѣ, какъ чудотворная святыня.

№ 47. Вуйпуръ—кадильница, употребляемая во время совершенія ламайскихъ богослуженій. По своему вѣшнему виду она почти сходствуетъ съ древне-христианскою кадильницею и несомнѣнно, что Цзонхавъ взялъ формы ея отъ несторовъ, во множествѣ проживавшихъ въ Тангутѣ со временъ политическаго возвышенія Монголовъ.

№ 48. Пурбу—кинжалъ, являющійся нынѣ въ видѣ религіознаго атрибута ламайскаго жертвенника; въ старину же онъ представлялъ собою орудіе, которымъ убивали жертвенныхъ животныхъ.

№ 49. Хучжинъ-саба—курильница для сожженія благовонныхъ травъ. Въ средину сосуда накладываются уголья, а на нихъ насыпаются куренія, дымъ которыхъ проходитъ черезъ скважины крышки. Предметъ этотъ представляетъ собою подарокъ коллектору кашиктэвскаго князя, а сему послѣднему онъ былъ присланъ отъ пекинскаго двора въ отвѣтъ на ежегодное представленіе монгольскими князьями подарковъ богдохану въ день новолѣтія. Такимъ образомъ, знакомя насъ съ новою принадлежностью ламайскаго культа, курильница эта вмѣстѣ съ симъ представляетъ собою образецъ вещей, которыми богдоханское правительство отдариваетъ Монголовъ за приносимые ими подарки.

№ 50. Габала—священный сосудъ ламаитовъ. Онъ выпиливается изъ человѣческаго черепа и обдѣлывается въ своей срединѣ и по краямъ серебромъ или золотомъ.

№ 51. Хонхэ—небольшой колокольчикъ съ рукояткою, имѣющею форму иногда половины вацйра, а иногда изображенія богини Дарэ-эхэ, также увѣнчанной вацйромъ. На наружной сторонѣ колокольчика начертывается шесть мистическихъ слоговъ—«Омъ-ма-ни-падъ-мэ-хумъ». При служеніяхъ хонхо, какъ музыкальный инструментъ, составляетъ принадлежность первенствующаго въ хуралѣ, который въ установленное время (по большей части при произнесеніи тарни) беретъ хонхэ въ лѣвую руку и звонитъ.

№ 52. Вацйръ,—необходимая принадлежность хонхэ,—родъ небольшого скипетра. Назначеніе этого прибора—прогонять преиягствія и демоновъ, которые всегда стараются смущать духъ служащихъ. Первенствующій, держа въ лѣвой рукѣ хонхэ, въ правой въ то же время имѣетъ у себя вацйръ.

№ 53. Харанга—мѣдный тазъ, въ который ударяютъ на подобіе нашего бубна.

№ 54. Цаяъ—мѣдныя тарелки съ головками посрединѣ; головки эти служатъ вмѣсто рукоятки и, держась за нихъ, можно ударять тарелками одна о другую.

№ 55. Цэлыи́нъ—по формѣ своей совершенно подобенъ цану, только головки тарелокъ бывають въ цэлыи́нѣ нѣсколько менѣе и самыя тарелки нѣсколько болѣе плоски, чѣмъ у цана.

№ 56. Вишкүръ—музыкальный инструментъ, звуки котораго походятъ на звукъ свирели.

№ 57. Ганли́нъ—духовой инструментъ, звуки котораго должны напоминать собою ржаніе ииенческаго коня, который переноситъ вѣрущихъ изъ этого міра въ блаженныя обители Сукавади.

Помимо литыхъ изображеній своихъ божествъ ламаиты имѣють еще и рисованныя. Образцы ихъ представляютъ собою рисунки:

№ 58. Цаганъ-дара-эхэ—богиня, о которой говорилось въ № 19.

№ 59. Чжэбцзунъ-дамба-хутухты въ первомъ перерожденіи его въ Монголіи, именуемомъ Ундурь-гэгэномъ. Онъ былъ основнымъ дѣятелемъ при подданствѣ Халхаскихъ Монголовъ Китаю.

№ 60. Вурханъ-бакпийнъ-арбанъ-холяръ-цзохоль—иллюстрація жизни будды Сакьямуни.